НАРОДНАЯ ПАРТИЯ ГОРЦЕВ КАВКАЗА

Горцы Кавказа

(LES MONTAGNARDS DU CAUCASE)

№ 29 АПРЕЛЬ № 29

1932

НАРОДНАЯ ПАРТИЯ ГОРЦЕВ КАВКАЗА

Горцы Кавказа

(LES MONTAGNARDS DU CAUCASE)



№ 29 АПРЕЛЬ № 29
1932

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Всемусульманский конгресс 1931 г. и его значение в нашей освободительной борьбе

Пожалуй, ни одна из общемусульманских акций последнего времени не подвергалась таким нападкам и контр-агитации, какие вызвал последний, третий по счету, Всемусульманский конгресс, имевший место в Иерусалиме. Конгресс, созванный по инициативе виднейших деятелей современного Ислама, во главе с иерусалимским муфтием — Хай - Эмин - эль - Хуссейном и лидером мусульман Индии—Мауланом Шаукат-Али, вызвал большое беспокойство во всех кругах, по тем или иным причинам опасающихся об‘единенного выступления мусульманских народов. Обеспокоены были предстоящим конгрессом сионисты, ибо в печати всего мира усиленно лансировался слух о том, якобы конгресс в Иерусалиме собирается для избрания Халифа и установления столицы возрожденного Халифата в месте созыва конгресса. Не в меньшей степени и почти по аналогичным причинам был обеспокоен Ватикан, а в мусульманской Турции весть о предполагаемом избрании Халифа вызвала ряд протестов, направленных, главным образом, против Англии. Следившим за турецкой печатью этого периода должно быть памятно выступление бывшего министра юстиции, а ныне депутата меджлиса Махмуд-Эссад-бея, который писал: „Иностранцы, напуганные пробуждением мусульманских наций, хотят использовать Халифат, как орудие реакции и как знамя борьбы против Турции. Участие Англии в этом деле бесспорно, так как инициатором конгресса является подчиненный Англии иерусалимский муфтий и, кроме того, конгрессу оказывается покровительство индусскими князьями“. Эти-же предположения заставили выступить и официальную Турцию, переславшую английскому правительству через своего посла в Лондоне соответствующую ноту. Но и в самой Англии, которую многие винили в явном покровительстве конгрессу, последний далеко не пользовался популярностью и английская печать всех направлений, во главе с „Таймс“ и колониальным официозом „Нир ист“, выражала сомнения в целесообразности и необходимости созыва конгресса. Само собой разумеется, конгресс не мог не привлечь к себе и внимания большевиков, пожалуй, наиболее внимательно следящих за всеми событиями и течениями, имеющими место на мусульманском Востоке. Мы не ошибемся, если скажем, что наиболее фантастические и наиболее провокационные сведения о целях и устроителях конгресса исходили из большевистских источников, и ловко пре-

подносились явными и замаскированными агентами коммунизма, через различные телеграфные агентства, мировому общественному мнению. Усилия большевиков нам станут понятны, если мы примем во внимание, что инициатива созыва конгресса исходила от лиц весьма популярных и авторитетных в мусульманском мире, которые всегда резко осуждали провокационные методы большевистских агентов, пытающихся использовать национально-освободительные стремления мусульман колоний для целей красного империализма на Востоке. Конгресс в Иерусалиме не мог стать послушным орудием в руках III интернационала и красной Москвы, и большевики, сознавая это, прилагали все усилия, дабы умалить его значение или-же, даже, совершенно не допустить его созыва.

Но ни лживая агитация большевиков, ни опасения различных кругов, связанные с инкриминируемыми конгрессу целями, не помешали созыву конгресса. Еще перед открытием конгресса, великий муфтий Хай-Эмин-эль-Хуссейн, в бытность свою в Каире, охарактеризовал настоящие цели его созыва, опровергнув этим распространяемые в печати сведения. Великий муфтий заявил, что главной целью предстоящего собрания является укрепление связей в мусульманском мире, обсуждение вопроса об охране и реставрации мусульманских святынь, сбор денежных средств на различные нужды Ислама. Отметил он так-же, что проэкт учреждения в Иерусалиме мусульманского университета (идея возникшая задолго до созыва конгресса) отнюдь не направлен против старейшего университета Эль-Азхар в Каире*), а стремися лишь дать возможность мусульманской молодежи получать высшее светское образование, не выезжая в Европу. Последнее заявление было вызвано также провокационными сведениями, согласно которым проэктируемый в Иерусалиме университет создается, якобы, палестинскими националистами в противовес древнейшему и известнейшему храму мусульманской теологической мысли в Каире.

Таким образом, еще перед созывом конгресса Хай-Эмин-эль Хуссейн официально опроверг слухи о намерениях конгресса обсуждать вопрос о восстановлении Халифата, подтвердив этим неактуальность этого вопроса в мусульманском мире. Аналогичное выступление совершил и другой видный организатор конгресса — Маулан Шаукат-Али, пребывавший в то время, после конференции „круглого стола", в Лондоне.

---

*) Университет Эль-Азхар существует свыше 1000 лет и является наиболее авторитетным в мусульманском мире высшим духовным учебным заведением.

Открывшийся 6 декабря прошлого года конгресс всецело подтвердил заявления мусульманских лидеров. В противоположность предыдущим двум конгрессам 1926 года (в апреле — в Египте и через три месяца после первого — в Геджасе), собравшим, главным образом, богословов и теоретиков доктрин Ислама, конгресс 1931 года представлял цвет современных мусульманских прогрессивно-революционных течений, выявляющих национальные аспирации народов Ислама. Впервые на конгрессе были представлены и угнетаемые Россией мусульмане. Саид Шамиль — внук Имама Шамиля, возглавляющий, подобно своему великому деду, современное горское освободительное движение, Айяз Исхаки — лидер националистов Идел-Урала и Муса Джарулла Биди — бывший имам соборной мечети в Петербурге, известный богослов и философ, — были приглашены устроителями конгресса, получив возможность осветить перед его участниками действительное положение мусульман в СССР и рассеять этим создаваемые большевиками на Востоке иллюзии.

Кроме представителей различных стран и политических течений, конгресс собрал представителей всех религиозных сект и толков, представив, таким образом, с исчерпывающей и небывалой еще полнотой мусульманство всего мира.

В чем-же выразилась работа конгресса и каково значение этой работы для народов, стремящихся освободиться от ига России и в значительной части исповедующих Ислам?

Вопрос о восстановлении Халифата, вызвавший так много опасений и разговоров, совершенно не был поднимаем на конгрессе. Конгресс, в основном, придерживался тех положений, которые были высказаны великим муфтием Хай-Эмин-эль- Хуссейном в Каире, и которые были направлены, главным образом, к поднятию общественной самодеятельности и самопомощи в мире Ислама и укреплению единства мусульманских народов.

Характер поставленных перед конгрессом вопросов, естественно, сосредоточил внимание делегатов, в значительной степени, на проблеме большевизма, являющегося врагом всяких об'единительных тенденций по религиозному признаку и ведущего огромную пропагандную работу для целей собственной политики среди народов Востока. В этом факте, несомненно, сказалось присутствие на конгрессе наших представителей прекрасно разбирающихся в провокационном характере работы большевиков на Востоке и осветившим невыносимое положение мусульман в пределах самого СССР. В результате, конгресс стал, как-бы, манифестацией мусульманских народов, отвергающих методы большевизма на Востоке, с одновременным осуж-

дением политики большевиков в отношении угнетаемых ими мусульманских народов.

Эта часть деятельности конгресса является для нас особенно знаменательной. Прямое осуждение большевизма, в котором, вслед за нашими делегатами, конгресс усмотрел главнейшего врага народов Ислама, отбилось глосным эхом в мире, нанося работе большевиков на Востоке весьма чувствительный ущерб. Свыше 200 статей, появившихся в печати (главным образом мусульманской) после созыва конгресса, представили настоящую империалистическую сущность большевизма, разбирая положение угнетаемых Россией мусульман и освещая освободительные стремления не только последних, но и вообще всех народов, стремящихся освободится из под ига Москвы. Таким образом, Всемусульманский конгресс в Иерусалиме стал, до некоторой степени, пропагатором справедливого и рационального разрешения национальной проблемы в целом СССР, а не только в части, касающейся народов, исповедующих Ислам. Акция наших представителей в этом случае показала, что народы, угнетаемые Россией, идут к конечной цели единым фронтом, при каждом обстоятельстве взаимно себя поддерживая и помогая друг-другу.

Свое отношение к большевизму и угнетаемым им народам конгресс увенчал знаменательным актом, избирая в выделенные им органы наших представителей и этим подчеркивая значение, которое придается мусульманским миром проблеме мусульман в СССР, а так-же и авторитет, который приобрели наши представители своими выступлениями на конгрессе. Из трех наших представителей, двое были избраны в органы конгресса: Саид Шамиль — в состав главного совета, состоящего из 7 человек, и Айяз Исхаки — в экзекутиву конгресса, состоящую из 25 человек*). Таким образом, и Саид Шамиль и Айяз Исхаки, представлявшие на конгрессе угнетаемых Россией мусульман, вошли в число наиболее популярных и наиболее авторитетных деятелей современного Ислама.

Последние сведения, которыми мы располагаем, говорят о том, что Саид Шамиль избран генеральным секретарем экзекутивы конгресса, вместо недавно отказавшегося от этой должности бывшего персидского премьера г. З. Таба Табаи..

Хотя конгресс 1931 г. в Иерусалиме не пришел к окончательным и конкретным выводам, ограничившись общими ответами на поставленные себе вопросы, — все-же, в жизни мусуль-

*) Сообщение в № 27 „Г.К." об избрании г. Саида Шамиля в состав только экзекутивы было ошибочным. — Ред.

манских народов он сыграл огромную роль. Он показал несмотря на все изменения последнего времени, их единство' выявив, одновременно, определенно отрицательное отношение мусульман к большевизму и всем его проявлениям на Востоке. Факт этот, вместе с пребыванием наших представителей в составе наивысшего всемусульманского органа, дает нам уверенность в том, что симпатии мусульманских народов всегда будут на стороне их братьев, угнетаемых в СССР, а мусульманское общественное мнение своевременно и должно будет информировано о наших стремлениях и нашей работе.

Основное значение последнего конгресса заключается для нас, именно, в этой уверенности.

Барасби Байтуган.

Два доклада

В предыдущем номере нашего журнала мы указали на те глубокие различия во взглядах, которые существуют среди русской политической эмиграции, в связи с событиями на Дальнем Востоке и возможностью оккупации или захвата части большевистской территории японскими войсками. Однако, обзор наш был-бы неполным, если-бы мы оставили без внимания публичные выступления двух наиболее значительных людей недавней русской смуты, посвященные так-же этому, глубоко волнующему всю русскую эмиграцию, вопросу. Выступления эти — недавние публичные доклады бывшего главы российского временного правительства А. Ф. Керенского и бывшего командующего добровольческой армией генерала Деникина.

Оба эти доклада, столь разных по своей прошлой и настоящей деятельности людей, разнятся построением мыслей и различны по некоторым взглядам, но, вместе с этим, почти совершенно одинаковы по своим выводам.

А. Ф. Керенский в самом начале своего доклада заявляет: „К Дальне-восточному вопросу я хочу подойти несколько иначе чем это делалось до сих пор“. Это свое вступление он об‘ясняет тем, что-де до сих пор (доклад состоялся в марте т. г.) вопрос о защите интересов России и о том — будут-ли эти интересы защищать большевики — ставиться неправильно, ибо „с тех пор, как японские войска пропущены большевиками на железную дорогу, соединяющую по прямой линии Байкал с Владивостоком, и свободно там маневрируют, когда в любую минуту, выходя к Владивостоку и Чите, японцы могут прервать сообщение Сибири с Д.-Востоком,—с тех пор надо считать, что права России

на Д.-Восток утеряны. Они не были защищены в свое время, и рассуждать о том, как их будут защищать теперь большевики, уже поздно". Сравнивая, далее, положение старого правительства и обстановку 1904 г. с обстановкой настоящего времени и правительством Сталина, А. Ф. Керенский приходит к выводу: „ни власть „пролетариата", ни красная армия оборонят „пролетарское отечество" не идут, не могут и уже не способны", и, таким образом, „судьба русского Д.-Востока зависит, исключичительно, от благоволения, технических возможностей и международных расчетов японцев". Затем докладчик долго и подробно останавливается на тяжелом экономическом положении СССР, отсутствии там здоровой финансовой политики, расстройстве транспорта, на нужде и голоде, царящих среди населения, недовольстве и озлобленности против власти этого населения, — и приходит окончательно к выводу, что СССР воевать с Японией не может. „Помните,— восклицает он — что Дальний Восток уже проигран".

Керенский высказывается так-же и против создания „буфера" на Д.-Востоке. По его мнению, „это отнюдь не приведет к свержению, или даже ослаблению сталинской диктатуры в Москве", ибо японцы, „как и поляки после захвата огромных наших земельных пространств заботятся о сохранение большевистской диктатуры", так-же „никому не позволят тронуть большевиков за Байкалом". Все это приводит А. Ф. Керенского к печальной необходимости констатировать: „Да, господа, трагедия наша в том, что нигде в мире не созрело сознание, что нужно восстановить внутренне-свободную и международно-мощную Россию". Доклад свой заканчивает А. Ф. Керенский надеждой на то, что внутри России создается сила, способная свергнуть диктатуру и вернуть России „свободу и международную мощь".

Рассматривая доклад А. Ф. Керенского, мы не можем не заметить, что некоторые положения, высказываемые им, существенно разнятся от положений, высказанных в аналогичном докладе его политическим союзником — П. Н. Милюковым, которые цитировались нами в предыдущем номере „Г. Кавказа". В основном это касается отношения обоих докладчиков к большевикам и степени надежд, которые они возлагают на защиту большевиками „национальных интересов" России. А. Ф. Керенский не разделяет советофильских тенденций лидера РДО и не призывает, подобно Милюкову, своих слушателей утвердить в себе желание — „чтобы советское правительство оказалось достаточно сильным, чтобы охранить интересы России". По

Керенскому, советская власть антинациональна, и, поэтому, не может защищать „национальных интересов России“. В силу этого, — „права России на Д.-Востк утеряны“ и „рассуждать о том, как их будут защищать теперь большевики, уже поздно“. В этих словах чувствуется определенная ирония по адресу высказанных П. Н. Милюковым мыслей, в которых этот последний говорит о национально-русском характере починаний большевиков на Дальнем Востоке. Отмечая это основное различие во взглядах двух блиско стоящих к себе политических деятелей, мы к разбору иных положений доклада А. Ф. Керенского, приведенных нами, вернемся ниже, когда процитируем некоторые основные положения и из доклада вождя Добровольческой армии— генерала Деникина.

Выступление генерала Деникина приобретает особое значение, если принять во внимание, что он, до сих пор, держался в стороне от русских эмигрантских дел и открыто не поддерживал ни одну из имеющихся политических группировок. К этому надо добавить и то обстоятельство, что, — после смерти великого князя Николая Николаевича и генерала Врангеля, после исчезновения генерала Кутепова, — генерал Деникин, из оставшихся в живых русских генералов, является наиболее признанным и авторитетным „вождем“, к голосу которого будут прислушиваться широкие круги русской эмиграции. Памятен генерал Деникин и нам — горцам. Мы долго не забудем его кровавого пребывания в наших пределах, предавшего огню и мечу многие десятки наших аулов. Не забудем мы и его великодержавного упорства в борьбе с национальными стремлениями сопредельных с территорией Добровольческой армии народов, которое явилось основной, если не единственной, причиной крушения белой идеи на юге России.

Доклад свой генерал Деникин начал с указания, что в русской эмиграции нет единения, нет „общего понимания русских национальных интересов“. Подробный отчет о докладе помещен во всех русских за-рубежных газетах, а в газете „Последние Новости“ напечатан и полный текст доклада. Поэтому мы не будем касаться доклада в целом, а отметим и здесь наиболее интересующие нас места о том, как бывший „командующий вооруженными силами Юга России“ оценивает происходящие на Дальнем Востоке события, и как и при каких обстоятельствах он считает возможным и нужным вести вооруженную борьбу против большевиков.

„Япония фактически оккупировала Манджурию и из нея не уйдет“—говорит ген. Деникин. Это — „явилось прямой угрозой

русскому Дальнему Востоку. Краю — богатому золотом, железом, углем и др. минералами, пушниной, лесом, рыбой,—и всем тем, чего не хватает Японии; краю—своими выходами к океану препятствующему японцам закрыть на глухо все входы в Японское и Охотское моря". На тот случай, если „Япония выступит войной против сов. России", бывший главнокомандующий, учитывая силы и возможности сторон, приходит к выводу: „Приморская область, Амурский и весь этот край, равно, как К.-Восточная ж. дорога, могут перейти беспрепятственно в обладание японцев, когда они, по условиям международной обстановки, сочтут это своевременным". Правда, ген. Деникин, как и проф. Милюков, надеется, что занять большевистскую территорию Японии могут помешать экономический и финансовый кризис внутри страны, а так-же „китайская стихия, долженствующая залить тыл наступающих японских армий" и возможное вмешательство Соединенных Штатов С. Америки.

Но, зато, ген. Деникин расходится с П. Н. Милюковым (и соглашается с А. Ф. Керенским) в расчетах на большевиков, отрицая защиту ими русских интересов. „Советская власть — говорит он — заинтересована Дальним Востоком, как базой для растления восточной Азии, но предаст его в любой момент, во имя собственного спасения, во имя интересов правящей партии".

Затем, разбирая „буферные" разногласия и споры русской эмиграции, докладчик жестоко осуждает всех тех, кто высказывается за отторжение какой-бы то не было территории нынешнего СССР. „Будьте последовательны, — восклицает, он, обращаясь к слушателям, — если одни отдают Японии Дальний Восток, то не приходиться осуждать других, которые отдают Финляндии—Карелию, Эстонии—Ингермаландию, Румынии—Бесарабию (?!), не надо противиться Украинскому буферу...; не надо тогда возмущаться новоявленной Казакией, сибирским и кавкасским сепаратизмом, ибо все эти буферы, эти отрывы „клочков земли" действительно ослабили-бы советскую власть и повели-бы, быть может, к ее падению. Но что стало-бы тогда с Россией?! Отрезанной от морей и житниц, окруженной враждебными образованиями, отброшенной вспять на пять столетий..."

Так „возмущается" генерал Деникин в 1932 году, имея 12-летний срок, чтобы разобраться в причинах собственного падения и неудаче возглавляемой им идеи. Он до сих пор упорно считает возможной борьбу с большевиами лишь в том случае, если все освобожденные от большевиков земли поднимут великодержавный русский флаг, и когда, говоря словами его доклада, эти земли признают, что они „с первого-же дня, под

международной гарантией, должны быть частью единой России“ Однако, надежд на подобную ситуацию у докладчика, видимо, мало, ибо он констатирует: „Мы не видим до сих пор никакого просвета в отношениях держав к русскому вопросу“. Допуская, все-же, что такое положение может создаться из-за кризисов и новых международных столкновений, он заявляет: „Если-бы нашлась держава, имеющая желание и возможность взять на себя тяготу разрешения русского вопроса, в соответствии с интересами России и достоинством армии, то тогда, и только тогда, такое выступление и наше в нем участие было-бы не авантюрой, не пособничеством в расхищении России, а святым делом ее освобождения“. Доклад свой ген. Деникин кончает словами: „И когда разразиться гроза, если мы станем только бессильными, бездеятельными свидетелями ее, — это будет конец исторической роли русской эмиграции, ее политическая смерть“.

Таковы высказанные генералом Деникиным положения, которые мы считаем нужным отметить.

Рассматривая оба доклада, мы не можем не заметить, что,— несмотря на некоторую разницу в подходе к теме доклада и толковании отдельных фактов, — и А. Ф. Керенский и генерал Деникин приходят к одинаковым выводам. Оба они противники интервенции в настоящий момент, ибо не надеятся на искренность иностранных держав, долженствующих содействовать этой интервенции. Оба они, по существу, вообще против интервенции, ибо, по остроумному замечанию П. Н. Милюкова относительно ген. Деникина, — они „признали интервенцию, но оставили для нее условия явно неосуществимые“. И А. Ф. Керенский, и генерал Деникин ждут какого-то сверх-бескорыстного вмешательства иностранных держав в русские дела, при чем последний совершенно забывает, что интервенция Антанты в его борьбу с большевиками в 1919 г. далеко не соответствовала нынешнему толкованию им „интересов России и достоинства армии“. Вместе с этим, и он, и А. Ф. Керенский продолжают пребывать в великодержавном упорстве, стараясь, в униссон с лидером РДО, воспрепятствовать неминуемости надвигающихся событий. А. Ф. Керенский мечтает о „внутренне-свободной и международно мощной России“, умышленно или-же бессознательно не замечая парадоксальности этой концепции. „Международно-мощная Россия” такой, какой представляет ее Керенский, не может быть „внутренне-свободной”, — нельзя говорить о свободе в стране, которая насильственно об‘единяет в себе множество народов, стремящихся к подлинной свободе. Генера-

ла-же Деникина и ныне продолжают „возмущать" национальные стремления порабощенных народов, и, таким образом, несмотря на горечь поражения, он в 1932 году мыслит точно так-же, как и в 1919 году, и не желает понять, что 12 лет, прошедших после поражения идеи „единой-неделимой", работали далеко не на пользу сохранения империалистической концепции России. Он не желает учесть, что народы, порабощенные русским народом, имеют совершенно одинаковое с последним право занять свое место, самостоятельно и независимо от него, в семье свободных народов.

Было-бы наивным ожидать от представителей российского империализма иного, более справедливого, отношения к порабощенным этим империализмом народам. Останавливаясь на последних публичных выступлениях различных представителей русской эмиграции, мы хотим только показать нашим читателям некоторые тактические разногласия, существующие среди этой эмиграции и заставляющие некоторые группировки довольно недвузначно поддерживать советскую власть. Призрак распада России пугает эти группировки более, чем последствия длительного пребывания у власти большевиков, в которых они недавно еще видели только „растлителей России". Констатирование этого факта должно нас еще более утвердить в том, что распря между красным и белым началом в русской жизни— явление внутренне-русское, и оба эти начала найдут (и находят уже) общий язык, когда дело касается освободительных стремлений порабощенных Россией народов. Если-же некоторые круги русской эмиграции, как будто-бы, и идут навстречу этим стремлениям то это — тактический маневр, желание, путем падения большевиков, утвердиться в Москве, а затем, наново начать „собирание земли русской".

Таулу.

Вооружение СССР

(Окончание).

„КОМСОМОЛ"

Милитаризация страны осуществляется по преимуществу через коммунистический союз молодежи - „комсомол". В январе 1931 г., на 9-м с'езде, „комсомол" об'явил себя военной организацией, подчиненной непосредственно революционному совету красной армии. „Комсомол" состоит из молодежи в возрасте от 14 до 22 лет, в действительности-же возраст „комсомола" колеблется от 16 до 25 лет. Сейчас в союзе состоит до 300 тыс. человек старше 22 лет.

К 1 января 1931 г. в „комсомоле“ состояло молодежи обоего пола: рабочих—1070724 чел., батраков—395287 чел., крестьян—1242696 чел. и прочих—236900 чел. Всего-же в „комсомоле“—2885607 чел. и число это непрерывно растет. Для членов „комсомола“ обязательно прохождение военной учебы, с обязательным усвоением одной из следующих отраслей: танки, механизированные части, радиосвязь, морское, конное или авиационное дело. Вместе с этим их знакомят с военным производством, организацией транспорта, портами и т. д. Усиленно создаются организации „комсомола“ и в буржуазных государствах и армиях. На заграничный комсомол возлагаются шпионаж и разрушительная государственная работа, равно как и на организации МОПР‘а. Таким образом, многочисленная вспомогательная организация работает в полном контакте с красной армией и коммунистической партией, охватывая все отрасли военной промышленности и области подготовки к войне.

Размеры настоящей статьи, к сожалению, не позволяют нам полностью охватить все разнообразие работы „комсомола“, вынуждая нас освещать эту работу кратко и схематически. Такой-же самой схематичности и по тем-же причинам мы вынуждены придерживаться и при рассмотрении следующего вопроса разбираемой нами темы—организации „осоавиохима“.

* * *

„ОСОАВИОХИМ“

Общество „осоавиохим“ на территории СССР к началу 1930 г. насчитывало около 5100 тыс. членов, из которых 20% было женщин. Члены партии и „комсомола“ составляли 33% общего числа, что в цифрах равнялось 1675 тыс. человек. Таким образом „осоавиохим“ имеет довольно прочное коммунистическое ядро. В цифрах организация „осоавиохима“ представляется в следующем виде: „осоавиохим“ располагает — 22070 кружков военных знаний, 15500 стрелковых кружков, 2000 химических кружков, 760 авио-команд. При различных центрах организации имеется — 570 газовых убежищ и 4080 тиров для стрельбы. Активная работа упомянутых подразделений охватывает военной учебой 716 тыс. чел., стрелковой — 341 тыс. человек. Работников, руководящих низовыми ячейками общества, — 330 тыс. человек. Руководителей курсов, кружков и команд—85 тысяч. Пятилетний план предполагает довести число стрелковых кружков до 30 тыс., количество тиров — до 12 тыс., с таким расчетом, чтобы пропускать 1900 тыс. стрелков ежегодно. Главное внимание „осоавиохим“ уделяет авиации СССР, которая представляется так:

Длина линий воздушных сообщений в 1928 г. равнялась 11371 клм., к концу 1929 г. — 18461 клм.; согласно „пятилетки“, в 1933 г. длина линий должна достигнуть 45 тыс. клм. Это т. н. гражданские линии, но вряд-ли кто из граждан СССР пользуется ими по личным надобностям.

К 1 января 1931 г., по советским данным, в строю находилось 1300 аэропланов, сведенных в 20 бригад. В 1932 г. на авиацию дополнительно отпущено 150 мил. рублей. Предполагается построить 50 аэродромов, 250 площадок для спуска. Предполагается увеличить число аппаратов на 50% и завербовать в школы летчиков 15 тыс. молодых людей.*)

„Осоавиохим“ очень сложная и широко развернутая организация. И он, и „комсомол“ и иные, упоминаемые нами выше*), организации работают над осуществлением военного плана пятилетки и служат вооруженным силам СССР. Перед их военно-вспомагательным значением бледнеют значения различных стрелковых кружков, бой-скаутских и т. п. организаций, распространенных на Западе и преследующих, главным образом, воспитательно-спортивные цели.

Таковы в общих чертах вооруженные силы и военные организации СССР и никакой тенденции ни к разоружению, ни к приостановке вооружений у страны советов не замечается. Наоборот, все говорит за то, что она ведет неустанную работу по упрочнению и увеличению своих вооруженных сил.

*
* *

СЛАБЫЕ СТОРОНЫ КРАСНЫХ СИЛ

Даже из данного схематического обзора совершенно ясно то громадное, с каждым годом усиливающееся, напряжение, которое производится Москвой для вооружения. Едва-ли кто-либо усумнится и в том, что все эти приготовления ведутся не для обороны страны. Но, при всех этих колоссальных усилиях и затратах, военная мощь СССР, все-же, слаба и совершенно недостаточна для наступательной войны, даже при полном завершении пятилетнего плана. Современная война требует чрезвычайного напряжения всех живых и материальных средств страны. В СССР-же 80% живых сил — ненадежны, а производящая промышленность и после второй пятилетки будет недостаточной. Затем необходима достаточно развитая дорожная сеть, каковая

---

*) Автор не расшифровывает точной принадлежности приводимих им в настоящем столбце цифр; нужно предполагать, что эти цифры характеризуют развитие т. н. гражданской авиации, находящейся в ведении „осоавиохима“ — Ред.

*) № 28 „Г. К.“, глава настоящей статьи под названием „Замаскированные военные организации“.

в СССР находится в более чем печальном положении. Плотность железных дорог в СССР*) уступает в 40 раз Франции, — 18 раз Германии, — 9 раз Румынии и — 6 раз Польше. Плотность шоссейных дорог уступает в 90 раз Польше, в 50 раз Румынии и в 600 Франции. Едва-ли стоит упоминать о том, что и состояние и качество самих дорог также — несравнимо. Вместе с этим, и подвижной состав жел. дор. в СССР недостаточен и находится в весьма неудовлетворительном состоянии. Недостаточен, вернее почти отсутсвует совершенно, так-же механизированный транспорт для обслуживания боевых частей, не говоря уже о снабжении армии.

Следующим важным обстоятельством, так-же существенно понижающим боеспособность красных вооруженных сил, является чрезвычайно ниский образовательный ценз командного состава красной армии, представляющийся так: с средним образованием — 10%, самоучек — 2%, с нисшим образованием—88%. При развертывании армии этом уровень понизится еще более, а это говорит за то, что мозговой аппарат армии не в порядке.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства (на что мы уже указывали), что 8-ми миллионный людской военный запас в своей доброй половине — ненадежен. В особенности это относится к срокам призывов 1912—1923 г.г.—людей другой эпохи, иного мировозрения и, вместе с этим, очень активных. Малонадежным элементом окажутся и войска территориальных формирований. Современная война, в особенности при условии пространств СССР, потребует участия нескольких десятков миллионов населения для обслуживания нужд войны. Едва-ли и это послужит энтузиазму, при наличии всеобщего недовольства режимом и коммунистами.

Значительный недостаток квалифицированных рабочих, средних и высших промышленных специалистов отразится на производительности промышленности, от которой во время войны потребуется сверхнапряжение.

Следует обратить внимание и на то, что, наряду с продуктивностью промышленности, и в военно-вспомогательные организации заложена значительная доза блефа. Если внимательнее разобраться в их конструкции, то мы увидим, что 2 мил. действительных членов РКП (б) одновременно состоят и в профессиональных союзах, и в „осоавиохиме“, и в „МОПР‘е“, и в рядах красной армии, в войсках ГПУ, и в „автодоре“ и т. д.

---

*) Здесь и дальше (при сравнении дорог шоссейных) автор имел в виду, видимо, только европейскую часть (с Кавказом?) СССР, ибо при сравнении СССР в целом цифры были-бы далеко менее благоприятны для последней —Ред

То-же самое необходимо сказать и о членах „комсомола“ в свою очередь так-же одновременно состоящих во многих из перечисленных организаций, а весьма часто и во всех вместе взятых. Таким образом, вспомогательные военные организации в 2—3—6 и 9 миллионов—на половину блеф. Другая половина—„сочувствующих поневоле“—едва-ли охвачена „большевистским энтузиазмом“.

Но самым важным фактором, в наступательной и оборонительной войне, являются окраинные не-русские народы СССР. Таковаго населения, устремленного к независимому государственному существованию, свыше 80 миллионов. Это — Кавказ, Туркетстан, Украина, Белоруссия, Казачество, Карелия и др. народы. Эти народы всегда боролись за свою независимость и отделение как от России, так и СССР. Здесь Ахиллесова пята московской агрессии и мировой революции. При добросовестном и умелом подходе к разрешению проблемы этих народов, совершенно парализуется и предотвращается угроза мирового пожара и новой международной войны, которую готовит Москва.

Цивилизованному миру надо принять меры к ликвидации организаций московских авангардов, гнездящихся в их среде и подрывающих их общественную, хозяйственную и государственную жизнь. С другой стороны, надо всеми средствами поддержать национально-освободительные движения окраинных народов, порабощенных московской красной силой.

Алан-Бий.

Судьбы народа коми (зырян) *)

С древнейших времен на севере Восточной Европы существовало сильное и могущественное государство, называемое по имени своей столицы, города Перыма,—Пермским (Пермь Вели-

*) Северо-Восточная Европа исстари принадлежала народам финско-угерским, из которых наибольшей известностью пользовался народ коми, создавший могущественное Пермское государство еще задолго до появления здесь русско-славянских племен. Государство это, подобно иным соседям, в конце XV столетия стало жертвой московской алчности и перестало существовать, как самостоятельная политическая единица. В настоящее время остатки его, в лице народа коми (зырян), переживают эпоху возрождения, кристализируясь вновь как самостоятельная национальная единица и выявляя определенные стремления к достижению свободного государственно-политического бытия. Настоящая статья рисующая краткую историю народа коми, принадлежит перу г. И. Месшега, стоящего во главе этого движения и являющегося его идеологом. Помещая ее на страницах нашего журнала, мы еще раз с глубоким удовлетворением констатируем, что в своей борьбе мы не одиноки и освободительный фронт угнетаемых Россией народов тянется от берегов Ледовитого океана и до границ Китая и берегов океана Тихого. — Ред.

кая, Пермия, Перум, Биярмия, Абармия и т. д. — в зависимости от филологических особенностей языка каждого из народов, имевших в те времена ту или иную связь с Пермским государством). Государство это обладало своей самобытной, высокоразвитой по тем временам, культурой, известной в современной научной литературе под именем пермской, и вело обширные торговые сношения со своими соседями—ближними и дальними.

Позднее, на политической арене Северо-Восточной Европы появляются уже несколько государств: Пермия или Пермь Великая, Вятская республика, отделившаяся от Пермии, Новгородская республика, Московское княжество и Казанское царство (Казанский ханат—Золотая Орда), возродившееся на развалинах знаменитого Камского царства болгар.

В период с 1471—1552 гг. в судьбах этих государств и народов произошли великие события. Начавшаяся в двадцатых годах XV столетия борьба Вятской республики с Москвой продолжалась около 50 лет с переменным успехом для обоих сторон, причем в процессе этой борьбы Вятская республика вступила в союз с казанским царем Ибрагимом. К 1470 г. борьба эта прекратилась и недавние противники даже вступили в военный союз против Новгородской республики, которая к этому времени так-же участила свои набеги в вятские пределы. Новые союзники в 1471 г. двумя армиями напали на Новгородскую республику, и, завоевав ее, разделили между собой. Окрыленная этим успехом Москва в следующем 1472 г. посылает свою победоносную армию на Пермию—государство народа коми или зырян. По всей вероятности и армия Вятской республики учавствовала в этом походе. Наскоро собранная армия Пермии потерпела поражение и Москва присоединила к себе и это государство, сохранив, однако, в нем некоторые призаки самоуправления. Таким образом, Москва, в союзе с Вятской республикой, в весьма короткий срок (1470—1472 гг.) завоевала два значительно сильнейших от нея государства — Новгородскую республику и Пермию или Пермь Великую. В этом помогло Москве врожденное коварство ее дипломатии, весьма искуссно вносящей раздор среди своих соседей и использующей для своих захватнических целей силу государств, которые, затем, так-же становились ее жертвами. Особенно характерной в этом отношении была политика Москвы среди государств Северо-Восточной Европы, давшая ей возможность к середине XVI столетия окончательно покончить с независимостью всех государств, находившихся в этих пределах.

Уже через 15 лет после вторжения в Пермию, Москва всту-

пает в военный союз с Казанью против прежнего своего союзника—Вятской республики, и в 1489 г. три сильных армии новых союзников неожиданно вторгаются в пределы Вятской республики с севера, запада и юга*). Вотяки защищались отчаянно, но их крепости под напором сильнейшого врага падали одна за другой; пала, наконец, и Вятка — столица республики. По обычаю тех жестоких времен был истреблен господствующий класс завоеванной республики, а территорию победители поделили между собой. Покончив с Вятской республикой, Москва в 1505 г. уничтожила автономию Пермии и окончательно присоединила ее к своим владениям. В 1552 г., как известно, было завоевано и Казанское царство, и, таким образом, Москва двинулась на восток и юг, пока, наконец, ее завоевательным стремлениям не положили предел: на востоке—Япония и на юге—Англия.

О падении Пермии в русских летописях сообщается весьма коротко, что летом в 1472 г. московский воевода Ф. Пестрой, вторгшись неожиданно в Пермскую землю, осадил столицу Пермии или Пермии Великой город Перым и взял его без боя*) После этого он сам с главными силами направился на гор. Искар, а Г. Нелюдова со вторым отрядом направил на города Урос, Чердынь и Покчу, где находился в то время правитель Пермии князь Михаил. На пути к Искару Пестрой встретил армию Пермии, которая вступила с русскими в бой, но потерпела поражение. Один из воевод Пермии, по имени Кача, попал в плен. После этого Пестрой осадил город Искар и, взяв его, пленил здесь и других пермских воевод: Бурморта, Мичкина и Зурана. Так коротко и сухо описывается в русских летописях первое нашествие Москвы на народ коми.

Второе нашествие, окончившееся окончательным завоеванием, произошло в 1505 г. В этом году Москва вновь прошла огнем и мечем по стране коми, низложив с княжеского престола правителя Пермии кн. Матвея и подчинив страну непосредственно Москве. С этого времени для народа коми начинаются дни черной неволи, безграничного произвола иноземного управления, продолжающегося и до настоящего момента. Профессор казанского университета Фирсов, изучавший прошлое народа коми, следующим образом характеризует бесчинства московского

*) Армия Москвы исчислялась в 64000 воинов, численность армии Казанского царства точно неизвестна, но, надо полагать, была так-же значительна

*) О размерах истребленного города Перыма, который находился у верховьев р. Камы, дает некоторое понятие академик Лепехин, посетивший развалины этого города через 300 лет после его истребления. В своей книге „Путешествие академика Лепехина по разным провинциям государства российского“ он утверждает, что развалины гор. Перыма еще в конце XIX столетия были видны на пространстве 5—6 клм.

управления и московских правителей: „Произвол русских служилых (и не служилых) людей направлялся не только против собственности, но и личной свободы, чести и жизни инородцев. Население порабощенных народов должно было переносить, когда русские люди, ограбив всю их собственность, насильно брали у них детей и продавали их в рабство, когда отнимали и оскверняли их жен и малолетних детей. Не у кого было искать защиты инородцу ограбленному и оскорбленному в самых живых чувствах. Грабеж собственности под разными предлогами и без всяких предлогов, увод жен и детей, возведены были в правило. Русские воеводы стояли во главе этих вопиющих насилий. Они, имея судебную и административную власть без всякого ограничения, всякими беззакониями, возмутительными насилиями вымогали от инородцев их достояние. Особенно в делах сыскных и судебных проявлялась во всем безобразии бесчеловечная жестокость, которая, вследствии привычки к ней, употреблялась ради потехи. Страданиями и душу раздирающими воплями своих жертв во время пыток и истязаний московские правители забавлялись“...

Вполне естественно, что такой зверский произвол угнетаемое население не могло переносить безропотно. Оно часто хваталось за первое попавшееся под руки оружие и восставало, но тогда из Москвы высылались военные отряды, а иногда и целые армии для подавления „бунта“: города и селения измученного народа вновь тогда сравнивались с землей, а население в них весьма часто исстреблялось поголовно. Так например, по русским-же данным, после неистовств карательного отряда воеводы Курчева в 1535 г., население коми уменьшилось на 35%. В 1705 г. 30.000-ный отряд под командой Бахметьева был послан Петром I в Пермию и Башкирию с приказом „истреблять башкир везде и всячески“. Отряд этот почти в точности выполнил приказ, истребляя мирное нерусское население по реке Каме в течении 6-ти лет: с 1705 по 1711 год. Количество жертв бесчинств отряда Бахметьева трудно учесть, ибо история не сохранила нам точных данных об этом. Но, все-же, о приблизительных размерах бедствия в этот период мы можем иметь представление, если учтем злодеяния Бахметьева по р. Обве (река Обва — незначительний приток реки Камы), где, согласно официальным русским данным, он истребил 33235 человек населения коми, опустошив несколько населенных пунктов с общим количеством в 5324 дворов (хозяйств). В 1764—1769 г.г. в стране коми подвизался карательный отряд кн. Вяземского, который, подобно Бахметьеву, стер с лица земли население коми на протяжении 600 клм.

от Усолья вверх по р. Каме. Впоследствии русские колонисты, заменившие здесь уничтоженное местное население, находили для себя, как и в других опустошенных районах, не только превосходно подготовленные для обработки поля и луга, но и отлично сохранившиеся жилые и хозяйственные постройки*).

О том, как истреблялось русскими варварами мирное коми население, проф. Фирсов в своем труде дает следующую картину: „В самую глубокую ночь, когда люди спали крепким сном, напал Гевкелев со своей ротой на селение Сеянтюсь. Дома были зажжены. Жителей селения,— около тысячи человек как мужчин, так и женщин и детей, — частью перестреляли, частью перекололи штыками или изрубили шашками. Оставшихся в живых сто пять человек загнали в одно строение и заживо сожгли".

Массовое физическое истребление народа коми временно прекращается только с 1822 г., когда особым распоряжением центрального русского правительства коми получили кой-какие гражданские права. Уже это много значило, и, можно сказать, с этого времени жизнь народа коми вступает в новую эру — в период возрождения. Но, к сожалению, к этому времени коми были истреблены почти целиком. Только в дремучих лесах, за непроходимыми болотами и там, где почвенные или другие природные условия не привлекали русских хищников, сохранились еще небольшие поселки или одиночные семьи коми. По официальным данным численность коми в 1835 г. доходила всего до 123000 человек, которые жили разбросанно по обширной лесной территории без всякого своего центра. Перепись 1897 г. показала численность коми в 258000 человек. По последней народной переписи, произведенной в 1926 г. большевиками, коми достигли 375000 чел., причем к этому времени у них оказались уже свои культурные центры, правда незначительные:

	Населения		
	всего человек	в % коми	в % русск.
1. Город Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар)	10000	92	8
2. „ Ижма	5000	100	—
3. „ Кулэмдын	4000	100	—
4. „ Вым	2000	95	5
5. „ Кудымкар	2000	96	4

Последние политические события, происшедшие в России в 1905 и 1917 гг., дали толчок народу коми для национального

*) В одной только собственно Пермской губ. до сих пор обнаружено развалин бывших коми городов и крепостей (городищ) свыше семидесяти.

пробуждения. 29 ноября 1918 г. конгресс народа коми, собравшийся в гор. Усть-Сысольске, выдал знаменательное воззвание, которое начиналось следующими словами: „Всем учителям и всей интеллигенции народа коми Северо-Двинской, Пермской, Вятской и Архангельской губерний. Дорогая наша Родина призывает вас к работе создать ей национальную литературу для школ и для семьи"...

5 января 1921 г. в Усть-Сысольске-же состоялся второй, более многолюдный коми - конгресс, на который с'ехались представители даже из самых отдаленных уголков территории народа коми. На конгрессе было постановлено энергично требовать создания автономной республики Коми. 5 мая 1921 г. советская власть признала автономию народу коми и специальным декретом образовала Коми - автономную область, применив и здесь так свойственные национальной политике большевиков половинчитость и неискренность. Не говоря уже о весьма проблематичной „автономии", Коми - автономная область далеко не об'единила в себе всего народа коми. В пределы этой области вошло коми население бывших губерний — Северо - Двинской, Архангельской и Вятской, но, зато, сюда не вошло значительное количество коми из быв. губернии Пермской. В 1925 г. в последней была образована особая административная единица— „Коми-округ", которая вошла в состав Уральской области. Таким образом, и в этом случае Москва вновь применила над народом коми древнее правило — разделяй и властвуй. Этот раздел еще более углубился в 1928 г., когда из Архангельской, Северо-Двинской и Вологодской губерний, а так-же Коми-автономной области была образована единая Северная область с центром в гор. Архангельске, отдаленном на сотни километров от коми, находящихся в бывшей Пермской губернии.

Территория Коми-автономной области — громадна, доходя до 400000 кв. клм. с населением в 250000 чел. Коми-округ по территории равен всего около 25000 кв. клм. с населением около 160000 человек.

Несмотря на продолжающийся гнет Москвы, народ коми настойчиво работает и твердо верит в свое светлое бущее, верит, что близок тот день, когда все возрождающиеся силы его сольются под одним общим национальным флагом для защиты своего языка, национальной культуры и свободы.

* * *

Народ коми в период своего величия и свободы имел свою письменность с самобытным, отличным от всех известных до сих пор в мире, алфавитом. Поработив народ коми и в боль-

шинстве истребив его, Москва уничтожила и самобытную культуру коми („пермскую“) вместе с основой этой культуры — писменностью.*) По мере того, как народ коми вновь начал возрождаться духовно и расти численно, в его среде вновь стали появляться труженники пера. Наиболее видным из этих пионеров был поэт Куратов, творивший около шестидесятых годов прошлого столетия. Одно из его произведений впоследствии стало даже народным гимном коми. Дни свои этот певец национальной самобытности закончил в ссылке в только-что завоеванном тогда Туркестане. Около 1880 — 1890 гг. коми ученным и писателем Г. С. Лыткиным был заложен прочный фундамент коми - литературного языка. Его об‘емистый труд „Зырянский край и зырянский язык“ будет долго служить настольной книгой для каждого коми-филолога и литератора. Затем появляется весьма плодовитый писатель проф. Жаков. Позже становятся известными А. А. Чеусов, М. И. Лебедев, Д. И. Попов, Щембер и др. В 1918 г. писатели одиночки группируются в особый комитет, который выдвинул новую серию работников пера, как то: В. Савин, Чистащев, Маегов, Колегов и др.

Условия царского режима не позволяли создать для народа коми своей собственной периодической печати и поэтому первая газета на коми языке начала выходить только в 1918 году. В 1929 г. выходило уже около десяти разных газет и журналов. В том-же году все государственные и общественные учреждения Коми-автономной области были переведены так-же на национальный язык. В этом случае большевистская Москва должна была пойти навстречу единодушному желанию народных масс коми, дабы, хотя-бы внешне, оправдать теоретические предпосылки своей национальной политики. Но уже в 1930 г. начались новые репрессии и гонения народа коми и его языка: в государственных и общественных учреждениях был вновь введен русский язык, все газеты и журналы на коми языке были закрыты, а литературные работники рассеяны по различным ссылкам. Судьба их мне пока неизвестна. Начатые гонения распространились и на коми учащуюся молодежь. Так например, весной 1930 г. выпускной класс Ульяновского сельско-хозяйственного техникума, насчитывающий свыше 40 учащихся, был целиком исключен из упомянутого учебного заведения и отдан под суд: их обвинили в коми-национализме, который, по мнению советов, „является опаснейшим врагом на севере Р.С.Ф.С.Р.“ Коми студенты намерено бойкотируются при приемах в ближайшие высше-учебные заведения Ленинграда и Перми, а неоднократные хода-

*) Более подробно об этом говорится в книге автора настоящей статьи— „Moskwa a narody podbite“, изданной Варшавским Восточным Институтом в 1931 г.

тайства об открытии собственного высше-учебного заведения в гор. Усть-Сысольске (ныне Сыктыкваре) центральной властью неизменно отклонялись. В 1930 г. по разверстке в Ленинградский политехникум должно было быть принято 10 студентов коми, но руководство политехникума, по приезде означенных студентов, отказалось их принять в число своих учащихся. На запрос правительства Коми-автономной области, о причинах отказа в приеме, политехникум дал ответ, что названное учебное заведение существует для Ленинградского округа, а не для Коми-автономной области. Жалоба последней центральным властям на самоуправство Ленинградского политехникума осталась без последствий и 10 студентов коми, все-же, не попали в его стены.

* * *

Национальные гонения этим не ограничиваются. Они распространяются и на широкие слои коми населения, особенно сильно выявляясь в земельных мероприятих чужеземной власти. В результате, в одном только 1930 г. коми население уменьшилось на 5—6%. Массовые ссылки, расстрелы и т. п. репрессии в отношении „непокорных“ создают те условия, при которых окраинное население СССР, вместо прироста, неуклонно уменьшается.

В довершении всего и природные богатства страны Коми усиленным темпом разбойнически расхищаются. Так например, в прошлую зиму 1930/31 г. из Коми-автономной области с одной только реки Вычегды советы сплавили в Архангельский порт торгового леса для экспорта 17.000.000 куб. метр., за которые по расчетам Москвы ожидалось иностранной валюты в советские банки на 217.000.000 руб. золотом. В текущую-же зиму 1931/32 г. в долине р. Вычегды заготовляется торгового леса 20.000.000 куб. метров. Кроме того большие лесные массивы вырубаются и сплавляются из Коми-автономной области по реке Мезени и Печере, а из Коми-округа по рекам Каме. Из Коми-округа в прошлую зиму было сплавлено торгового леса вниз по реке Каме 2.300.000 куб. метров. В эту зиму там готовится для сплава 3.500.000 куб. метров. Особенно печально то, что эти народные богатства расхищаются силами самого-же народа коми, употреблением его трудоспособной силы на лесных и сплавных работах принудительно и по мобилизации.

Заканчивая на этом краткий обзор судеб народа коми, я должен упомянуть о том, что единственным утешением этого многострадального народа в данный момент является глубокая вера в неминуемое падение многовекового кошмара чужеземного ига и обретение вновь права на свободное и равноправное с иными свободными народами существование.

И. Месшег.

„По внешности коммунист, по содержанию националист“

Под этим заглавием „Я ш Т у р к е с т а н“ (номер 28-и, март) помещает статью своего главного редактора Мустафы Чокай-оглы, которую мы приводим здесь полностью в переводе с турецкого.

„Из ряда статей, помещаемых нами в этом номере „Я. Т.“, читатели узнают о господствующих даже среди наиболее ответственных работников анти-ленинских настроениях в Туркестане. Файзулла-Ходжа в счет не идет. Как-бы не прикидывался стопроцетным коммунистом-ленинцем, Файзула-Ходжа никогда им не был и не будет. Да большевикам московским это и не важно. Московские большевики при самом зарождении сов. власти в Туркестане искали там „не равноправных товарищей, а послушных переводчиков и полицейских исполнителей“. Так свидетельствует большевик Георгий Сафаров, книга которого („Колониальная революция. Опыт Туркестана“) для истории сов. власти в Туркестане представляет исключительный интерес. Кроме того, Ф-Х., являясь единственным экземпляром из старого кадра „джадидов“*) в большевистской партии, нужен и дорог московским большевикам, как „живое доказательство“ никогда на самом деле не существовавшей связи русского большевизма со старым туркестанским национально-освободительным движением. Вот почему, несмотря на все „идеологические шатания“ Файзулла-Ходжи, московские большевики не только терпят его, но даже держат на высоких постах предс. совнаркома Узбекстана и одного из предс. ЦИК СССР.

Фальшивое доказательство! И то, что московские большевики держатся так крепко за это фальшивое доказательство, ярче, чем все другое, свидетельствует об отсутствии корней ленинской идеологии в Туркестане. И это мы видим на самом деле.

Никогда сов. газеты не писали так много об идеологических ошибках и об „искривлении ленинской партийной линии“, как именно ныне. Январьские и февральские номера туркест. газет полны всякого рода предупреждений, криков, выговоров и угроз по адресу нарушителей ленинских канонов. Обратите внимание на то, что усиление анти-ленинизма, „буржуазной идеологии“ и десятков других видов „национальной контр-революции“ в Туркестане по времени совпадает с „последним решающим“ годом первой пятилетки.

---

*) „Джадидами“ назывались туркестанские национал-революционеры.

„Пятилетка"—вот откуда берет начало настоящая „национальная контр-революция" в среде туркестанских коммунистов. Выступление Исмаила Садвакасова на страницах московского „Большевика" с обвинениями в колонизаторстве по адресу не только тогдашних наркомзема Смирнова и предсовнаркома Рыкова, но и всей сов. власти вообще; дело Сагдуллы Касымова, от которого сов. власть в Туркестане не может очухаться и до сих пор; „контр-революция" таких, считавшихся „чистейшими идеологами ленинизма", как Маннан Рамэ, Бату и ректор ташк. коммунистического университета Хансуваров и, наконец, то, что красные профессора того-же университета Юнусов и Минубаев оказались „в плену буржуазной идеологии" (здесь мы перечисляем только наиболее выпуклые формы „национал-контр-революции"), не только хронологически совпадают с началом и развитием „пятилетки", но и вполне об'ясняются ею. Не случайно, что первым взбунтовавшимся против „пятилетки" оказался именно Исмаил Садвакасов—человек, пришедший в большевистскую партию из рядов прежних национал-революционеров. И, обратите внимание на то, что последними по времени, в „решающий год пятилетки", „ в плен буржуазной идеологии" попали никогда не нюхавшие национализма и взращенные в ленинском инкубаторе молодые красные профессора комуниверситета — Юнусов и Минубаев...

„Пятилетка" повернулась к Туркестану самой отвратительной своей стороной. Чего стоит колхозизация, вынуждавшая туркестанских степняков отдавать „социалистическому обществу" не только весь скот и всю домашнюю утварь, но и детей и жен. (См. газ. „Энбекши Казак").

А знаменитый „Турксиб", строительство которого сопровождалось погромами казак-киргизов (например, официально установленный погром в Сергиополе) и завершилось переселением 400 тыс. русских крестьян в Казакстан...

Хлопковая политика, окончательно лишившая Туркестан своего хлеба и привязавшая его к ввозному русскому хлебу, выдаваемому населению по мере сдачи определенного по норме количества хлопкового урожая...

Высылка тысячами туркестанцев в Россию и на Украину на принудительные работы в совхозах и переселение на их места русских в Туркестан „во имя братской солидарности и роста культурной и экономической связей между центром СССР и его окраиной" (слова б. секретаря Ср-Аз. Бюро ЦК ВКП Зеленского)...

Преследование и высылка из Туркестана немногих турке-

станцев-специалистов и замена их выписанными за счет туркестанцев неграми из Америки...

И т. д. и т. д.

Вот эта политика „национальная по внешности и пролетарская по содержанию“, особенно обострившаяся в эпоху и во славу „пятилетки“, и об'ясняет то, что 99% туркестанских коммунистов, среди которых такие „записанные ленинцы“, как ректор и преподаватели ташк. коммунистического университета — Хансуваров, Юнусов и Минубаев, оказываются „коммунистами лишь по внешности и националистами по содержанию“...

Мы бы очень хотели, чтобы читатели-туркестанцы удержали в памяти этот наш, хотя и далеко неполный, но, по нашему мнению, правильный анализ происходящей ныне в Туркестане борьбы на идеологическом фронте. Пусть не скажут — „что толку от правильного анализа, коли он не приведет нас скоро на освобожденную родину”?

Верно, что разоблачениями и анализами, как-бы правильны они не были, мы не освободим родины. Но значение правильного анализа в том, что он указывает нам пути, по которым мы должны направить наши усилия к освобождению.

То, что взращенная в тщательно оберегаемых от постороннего (буржуазного) влияния инкубаторах чистейшего ленинизма по методу Сталина „национальная по внешности и коммунистическая по содержанию” туркестанская молодежь на 99% оказывается „коммунистической лишь по внешности и национальной по внутреннему содержанию“, говорит ясно о ее моральной крепости.

Молодежь, не поддающаяся пыткам московского большевизма, это наша надежда, это самая надежная армия будущего национального Туркестана.

Бережное отношение к этой молодежи, воздержание от, к сожалению, не редко встречающегося в эмиграции нашей несправедливого огульного обвинения ее в измене национальным интересам родины, вот что, между прочим, вытекает из нашего анализа причин большевистской тревоги на идеологическом фронте в Туркестане.

Тот, кто искренно хочет свободы и независимости Туркестана, кто хочет избавить Туркестан от внутренней борьбы, выгодной только врагам нашей родины, тот обязан щадить молодежь и вину отдельных „переводчиков и полицейских исполнителей” не возлагать на всю массу нынешнего и в тисках московской инквизиции сумевшего сохранить свое национальное лицо молодого поколения“.

„Проблема гор" в советском разрешении

В № 24 нашего журнала, в статье „Земельный вопрос у горцев при русском владычестве", мы познакомили наших читателей с тем земельным кризисом, который переживается горским населением на Кавказе и который является печальным следствием почти 70-летнего над горцами владычества русских. Приводимые нами там фактические данные наглядно показывали, что значительная часть горского населения относится к разряду совершенно безземельных или-же обладающих такими ничтожными наделами, кои ни в коем случае не могут быть подведены ни под одну из существующих земельных норм и обрекают горское население на полуголодное существование, грозящее постепенным физическим вырождением*). Там-же мы писали, что вопиющая земельная нищета у нас требует проведения радикальной земельной реформы, которая, несомненно, является той основной и наболевшей проблемой, вокруг которой и вне разрешения коей, по признанию даже отдельных советских работников, — „не может быть мыслим политический, культурный, хозяйственный и, отчасти, сельско-хозяйственный прогресс горских нацобластей"**). И, наконец, там-же мы наметили основной, если только не единственный, путь разрешения вопроса об аграрной перенаселенности гор, заключающийся в переселении избытка населения гор на плоскость, в ближайшие автоном. областям районы, где сосредоточены значительные земельные запасы в форме государственных фондов, кои советская власть ныне использовывает в колонизационных целях, заселяя их пришлым элементом, или организовывает на них различного рода совхозы, исходя и здесь из требований централистической и великодержавной политики.

Но вопиющая земельная нужда горцев не могла быть обойдена советской властью, ибо слишком катастрофично было создавшееся положение и слишком расточительны в обещаниях были большевики в первые дни своего пребывания на Кавказе. Нужно было показать, по крайней мере, видимость доброй воли в желании разрешить в наших горах тяжелый земельный кризис. И вот, советская власть пошла по линии наименьшего сопро-

*) „Плановое хозяйство Дагестана" № 9—10 за 1929 г. отмечает, что, вследствии аграрного перенаселения, прирост населения в Дагестане понизился до 0·45% вместо прежних 2·45%

**) „План хоз. Даг." № 1 за 1929 г., статья Шабанова об аграрном перенаселении ДАССР

тивления — применения суррогативных мер, которые, не разрушая великодержавных позиций пришлого русского населения и этим не подрывая мощи русского империализма на Кавказе, могли создать у горцев, при соответствующей агитации, впечатление того, что советская власть искренне идет навстречу их нуждам и не преследует эгоистичных великодержавных целей. Об этом направлении советской политики мы вкратце сказали в упоминаемой нашей статье в № 24 „Г.К.“, когда коснулись, в конце, вопроса о переселении горцев, проводимом советской властью. Ныне-же мы хотим более подробно остановиться на суррогативных мерах большевиков и, в особенности, более полно представить фактическое состояние советской переселенческой политики в отношении горского населения.

Всякий, знающий нашу действительность и возможности советской власти, должен признать, что единственно простым дешевым и отчасти разрешающим вопрос о перенаселенности гор средством является рационально проводимое переселение из горных районов на плоскость, на земли, принадлежавшие недавно еще горцам, а ныне составляющие советский колонизационный фонд или-же находящиеся в пользовании совхозов. Земли эти, в большинстве, лежат в соседних с горскими авт. областями районах, а из горских областей только плоскостная часть Дагестана располагает некоторым количеством свободных земель, пригодных для обработки только после соответствующих мелиоративных работ.

Какие-же пути в этих условиях избрала советская власть?

Одним из путей явились праздные толки об интенсификации и рационализации сельского хозяйства, долженствующими вывести горцев из того экономического тупика, в который вогнало их русское владычество. В спасительность этой меры, несоменнно, советское правительство не верило, ибо оно не могло не учитывать того, что никакая интенсификация и рационализация не спасут положения, т. к. земельные наделы слишком ничтожны и никакие улучшения в обработке и пользовании ими не дадут возможности прокормиться настоящему количеству населения.

Но и в том случае, если-бы эти наделы были относительно достаточны и большевики искренно хотели-бы помочь горскому населению, и тогда — советский план рационализации и интенсификации был-бы „музыкой далекого будущего” и горцы ждали-бы его осуществления еще долгие годы. Этот план требует капитальных вложений, а возможности советов в этом отношении минимальны и имеющиеся средства, в большинстве, погло-

щаются центральными районами. Таким образом, разговоры об интенсификации и рационализации горского сельского хозяйства являются обыкновенным советским маневром, расчитанным на привлечение наивных и легковерных сердец. Все говорит за то, что в горских областях к этим планам никто серьезно не относится.

Вторым путем для разрешения земельной нужды в горах советы избрали переселение. Но и здесь расчет строился на чисто внешнем эффекте, на желании обмануть кажущейся заботой правительства широкие круги населения. Особенно показательной в этом отношении является т. н. земельно-водная реформа, проводимая в Дагестане и предусматривающая, наравне с переселением на плоскость, целый ряд мелиоративных мероприятий. Насколько рациональное проведение таковой реформы было необходимым, нам станет понятно, если мы примем во внимание, что в горах Дагестана сосредоточено 73·8% всего сельского населения, тогда как подавляющее большинство удобных земель (68·5%—2655·1 тыс. гект. из 3902 тыс.) находятся на плоскости и в значительной своей части остаются необработанными. Земельно-водная реформа, принятая X конференцией дагпарторганизации, должна была найти выход из этого анормального положения и разрешить в Дагестане „проблему гор“. Конечная цель, намеченная реформой, вполне соответствовала „планетарности” всей советской системы. План предвидел переселение и расселение до 35 тысяч горных хозяйств и выделение дополнительных наделов для 22 тысяч плоскостных хозяйств. Здесь уместно было-бы подчеркнуть, что „черный передел“ революции совершенно не коснулся горских областей, о чем свидетельствует, например для Дагестана, громадное количество хозяйств на плоскости, нуждающихся в дополнительных наделах. Как раз в этой части Республики Горцев было наибольшее количество частновладельческих и казенных земель, и, как мы видим, горская малоземельная и безземельная беднота из этих земель в революцию ничего не получила. Ныне земельно-водная реформа должна была нормализировать земельные отношения в Дагестане и стать, как утверждали ее инициаторы, началом сельско-хозяйственного преуспеяния края.

Какие-же практические методы применили большевики для осуществления этого, грандиозного в жизни Дагестана, плана?

Фактически, земельно-водная реформа оказалась новым великодержавным средством, стремящимся еще более ослабить горское начало в крае. Наделение землею малоземельных

и безземельных выразилось, главных образом, в передаче нуждающимся тех „излишков", которые сохранились в руках особенно нежелательных советкой власти элементов. Перераспределение земли в горных районах предусматривалось планом, в первую очередь, как „ликвидация бывших помещичьих землевладений и из'ятие излишков земель у кулацких хозяйств, использование горных госземфондов". И далее еще более определенно — „ослабление аграрной перенаселенности, в первую очередь, должно итти за счет лишения земли в горах кулацких хозяйств". Таковы основные положения, предусматриваемые планом в области переселения. Великодержавная сущность их очевидна. В условиях нагорного Дагестана никогда не существовали „ помещичьи землевладения", если за таковые не считать земельные владения небольшого количества лиц, располагавшими, в лучшем случае, по несколько десятков десятин. В русских губерниях эти лица были-бы зачислены в разряд „кулаков" — в Дагестане из них сделали „помещиков". В первые-же дни воцарения советской власти в Дагестане, земли этих „помещиков" подверглись конфискации и, к моменту утверждения плана земельно-водной реформы, уже давно были распределены между населением. Дагестанский-же „кулак" в нагорной полосе, земли которого должны были стать основным фондом для надела малоземельных и безземельных, едва-ли обладал большим наделом, чем „бедняк" в губерниях центральных. Стоит себе только припомнить данные, приводимые нами в № 24 „Г.К.", чтобы убедиться в истинном предназначении т. н. земельно-водной реформы. Мы показали там, что помещичьи земли в Дагестане давно составили государственный фонд, а средний душевой надел составляет лишь ничтожную цифру в 0·40 дес. пах. и сен. земель, понижаясь в нагорной полосе до 0·1 десятины. В этих условиях, если-бы в Дагестане сохранились и настоящие „кулацкие" хозяйства, говорить о „кулацком земельном фонде", долженствующем составить основную базу проводимой реформы, — не приходится. Этот фонд не в состоянии удовлетворить минимальную потребность населения Дагестана в земле. Таким образом, вся советская „реформа" сводится к несложной комбинации передачи земли из рук ненадежных элементов в руки элементов, кажущихся более надежными или-же, по понятию большевиков, способных скорее покориться чарам советской власти, В результате, пресловутая земельно-водная реформа приобретает характер великодержавно-политического мероприятия, а не мероприятия, стремящегося к рациональной реконструкции сельского хозяйства в Дагестане.

Это — новый удар красного империализма по горскому населению.

Теперь коснемся, так-же вкратце, переселенческого вопроса и в иных горских областях, рисуя этим картину вообще переселенческой политики советской власти в отношении горцев. Из оставшихся горских областей земельный кризис наиболее остро ощущался в Чечне, Ингушетии и Осетии. Данные о земельных наделах в этих областях нами так-же приводились в упоминаемой уже статье в № 24 „Г.К.", и здесь мы только отметим, что эти наделы являются и ныне, после всех советских перераспределений, наинисшими из всех районов СССР и не достигают даже т. н. голодной нормы. Переселение с гор здесь происходило в промежутке от 1920—1925 года и носило крайне неорганизованный характер. В Чечне и Ингушетии переселение происходило, главных образом, на земли бывших казачьих станиц, отобранных в свое время у горцев и которые в процессе революции частью вновь удалось вернуть в горские руки. В Осетии же переселение происходило путем „уплотнения" имеющегося уже на плоскости горского населения. Здесь 4356 хозяйств было размещено там, где душевой надел составляет 0·77 дес. пах. и сенокосных земель и свободные земли отсутствуют совершенно. Отсутствуют свободные земли и в Ингушетии и только в Чечне известное количество земель было признано свободным и на них было организовано несколько совхозов, хотя и здесь, и в особенности в нагорной полосе, безземелье вопиющее, граничащееся с катастрофой. И вот, несмотря на явный недостаток земли, поток переселенцев с гор не выпускался за пределы названных областей и здесь, подобно Дагестану, происходила в большинстве случаев простая передача земли из одних горских рук в другие, при чем это проводилось за счет опять таки ненадежных „кулаков" и несуществующих „помещиков". В это-же время в недалеких Моздокском, Прохладненском и др. районах свободные земли отдавались пришлым элементам, утверждавшим русское начало в крае. В результате такого подхода советской власти к вопросу переселения горцев, положение в названных областях изменилось весьма мало — земельный голод остается и в дальнейшем основным фактором, определяющим хозяйственную структуру в этих областях.

Не многое выиграли и сами новоселы — переселенцы с гор. В „Известиях Осет. Инст. Краеведения" за 1926 г. А. Баев приводит следующие данные о положении двух аулов переселенцев, Нарт и Красногор, образованных в плоскостной части Осетии:

	число дворов	из них (в процентах)				
		без раб. лошадей	с одной лошадью	без коров	без пол. оруд.	без перев. средств
Нарт	257	37	39	17	84	9
Красногор	217	20	60	13	58	8

Нартовцы в горах имели скота разного на 211 тыс. руб. а на плоскости эта цифра сократилась до 116 тыс. рублей Вряд-ли эти данные изменились к лучшему в настоящее время, после потрясений насильственной коллективизации и непрекращающихся реквизиций под разными соусами. Нарт и Красногор являются типичными представителями переселенческих аулов, ибо, приводя их как пример, А. Баев говорил вообще о „проблеме гор", имея в виду малоземелье всех горских областей.

Этот наш обзор дополняет недавнее постановление Сев.-Кав. крайисполкома о переселении горских поселений быв. Кубанской обл., не вошедших в состав настоящих „автономий", на территорию последних. В первую очередь мера эта должна коснуться черкесско-горских поселений Анапского и Армавирского районов. Свое постановление крайисполком мотивирует желанием „об'единить" черкесов, хотя последние всеми силами возражают против такого „об'единения". Истинный смысл этого постановления раскрывает сам крайисполком, говоря, что „черкесами оставляются весьма ценные земли и они переходят в распоряжение рядом расположенных совхозов садвинтреста" Т. е. иными словами, советская власть производит самым безцеремонным образом новый грабеж горцев, отбирая у несчастных черкесов их „ценные земли" и вселяя их в аграрно-перенаселенную Автон. Адыгейскую область, где земельный надел также не превышает голодную норму.

Таким образом, мы видим, что т. н. аграрная реформа в горских областях проводится советской властью с определенной целью еще большего ослабления позиций горцев в их собственном крае. Советская власть продолжает систематическую политику царского правительства, стремясь нас уничтожить не только морально, но и физически. Переселенческие мероприятия большевиков являются лишь умело укрытой разновидностью этой политики и в их истинном значении горцы не должны обманываться. Красный плащ коммунизма — лишь прикрытие империалистической и великодержавной сущности власти, которая этим прикрытием пользуется в личных и своекорыстных целях.

Б. Билатти.

Коммунисты-националы*)

(Картины с натуры)

III

ОМАР АЛИЕВ

Молодого карачаевца выдвинули и пристегнули к большевикам два момента: первое — Алиев застрял на севере (учился в Уфе на муллу), и второе — он был обладателем белой черкески с золоченными газырями и роскошным кинжалом, коими он мечтал (не будь революции), на досуге от наук, пленить сердце богатой татарки.

1919 год. 1-ый конгресс коминтерна. Нужны представители народов — пролетарии всех стран, а где их взять? И вот, — румыны из румынских оркестров, греческие купцы и спекулянты, турки из турецких пекарен, пленные немцы и народы, блаженной памяти, Австро-Венгрии составили основу первого „всепролетарского“ конгресса в первой в истории мира „пролетарской“ стране. Экзотический наряд пригодился Омару Алиеву и он, в белой черкеске с золоченным кинжалом, представлял „пролетариат“ Кавказа и был, конечно, звездой первой величины конгресса.

После советизации Кавказа, Алиев прибыл в родные края и стал... наркомпросом Дагестана, но работавший там некий Ковалев**) (из учителей) устыдил его, говоря: „уйди, Омар, пожалей своих горцев, какой-же ты просвещенец?!“

Алиев уехал в Москву, и скоро вернулся с пачкой партбилетов организовывать карачаевскую автономию. Роздав партбилеты своей родне и приятелям, он создал „карачаевскую парторганизацию”, где коммунизмом даже не пахло.

То была „весна“ Карачая: речи, митинги, с‘езды, а в Кисловодске „благодарные“ карачаевские пастухи подносили своему „вождю“ подарки, оружие, адреса.

Но вскоре наступила неприглядная „осень“ и Москва потребовала от Карачая — баранов, шерсти, мяса для голодных городов... и тут „товарищ“ Алиев выдохся, „вождь“ оказался бессильным преодолеть молчаливый отпор масс, не желавших безропотно подчиниться грабежу. Незадачливого организатора убрали, и ныне коротает он дни свои в каком-то экзотическом комитете „по изучению культуры карачаевского народа“ и со-

---

*) См. „Г. К. № 27.

**) Про Ковалева диктатор Кавказа Орджоникидзе говорил: „Возмутительно, что тамбовский мужик Ковалев стал дагестанским националистом“.

здает для 80 тыс. племени карачаевцев особый латинский алфавит.*)

IV

ИСЛАМ ХУБИЕВ-КАРАЧАЙЛЫ

Скромный как девица, и хитрый как муха, он принял большевиков во второй приход их в Карачай. Долго крутился по просвещению (как-бы чего не вышло, ведь по началу все было так неопределенно), пока все не угомонилось. Центр учел, что „парень себе на уме“ и оценил его по достоинству; Ислам Карачайлы (Хубиев) тепер член крайкома ВКП(б) и живет в Ростове.

V

БАЙТАЛ КАЛМЫКОВ

„Самый положительный горец, кого я знаю из коммунистов — это Калмыков“, говорил о нем сам Сталин.

Резиденция Калмыкова — Нальчик, климатическая станция где не мало перебывало московских вождей, со Сталиным во главе, коих так умело угощал Калмыков.

Со спокойствием и настойчивостью чистого монгола (фамилия Калмыковых в Кабарде, по преданию, происходит от родоначальника—астраханского калмыка), Калмыков с‘умел сохранить свое положение среди той бури, какая характеризовала первые годы большевизма в горах.

Москве нужны были скот, сырье, хлеб, фураж — и это все с избытком доставлял „вождь“ Кабарды, обрекая на голод несчастные кабардинские массы. Бывший кучер, а затем, подрядчик фуража и продуктов для царской армии*) — Калмыков с‘умел и при большевиках применить свои навыки холопа и мелкого спекулянта.

Юсуф-бек.

---

*) По имеющимся у редакции сведениям, Омар Алиев находится в гор. Ростове и состоит членом т. н. комиссии по унификации горских (латинских) алфавитов. Комиссия эта, несмотря на свое более чем 5-тилетнее существование, не создала еще ничего конкретного, что с достаточной ясностью показано нашим сотрудником г. Б. Билатти в статье „Унификация горских алфавитов“ в № 26 „Г. К.“ — Ред.

*) До войны Калмыков служил кучером у казака ст. Марьинской— Ржевского, а во время войны занялся доставками для нужд царской армии — Ред.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

О горских коммунистах

(отрывок из письма).

„...Теперь опишу Вам работу наших горских коммунистов Предупреждаю при этом, что описание мое будет касаться, главным образом, Кабарды, жизнь которой мне наиболее хорошо известна.

Итак, начиная от Калмыкова и кончая последним сельским коммунистом и комсомольцем, наши горские партийцы проводят советскую программу втрое беспощаднее, чем их русские сотоварищи. В обращении с народом, даже русские чекисты менее бесчеловечны, чем наши собственные коммунисты. Местные большевики могли-бы на много облегчить положение своего народа, если-бы пожелали. Они могли-бы ссылаться на специфические местные особенности, на неподготовленность масс к идеологическому восприятию лозунгов коммунизма и т. п., и, пользуясь этим, не допускать до слишком острых метод при проведении того или иного советского мероприятия. Но они не только не делают этого, а, наоборот, являются инициаторами в растерзании и разорении своего народа. Правда, бывали случаи, когда и среди коммунистов-националов некоторые открыто выступали на защиту интересов своего народа, но и тут, по ликвидации таковых выступлений, инициативу брали в свои руки опять таки наши-же коммунисты. Об этих выступлениях в защиту своего народа я находил указания и в „Г. К."

Коллективизацию в нашей области начали не сразу. Необходимо было предварительно провести „раскулачивание". К этому приступили зимою 1930 года. Раскулачивая более состоятельных горцев, большевики об'явили народу, что эти „кулаки" не могут быть приняты в коллективы. Лишаются они так-же права пользоваться продуктами кооперации. Таким образом, вокруг судьбы этих несчастных создавалась атмосфера неопределенности и опасности, и страх попасть в их число должен был заставлять остальную массу записываться в коллективы. Весной и летом 1930 г. в горских областях произошли восстания, что заставило советскую власть пересмотреть программу форсирования коллективизации в этих областях. В результате, методы принуждения были в значительной мере смягчены.

Как в раскулачивании, так и в иных мероприятиях советской власти, русские большевики, в большинстве, активного участия не принимали, ограничиваясь только техническим руководством. Приезжавшие для проведения коллективизации из края (т. е. из

краевого центра, Ростова — прим. ред.) инструктора были так-же далеко менее активными, чем наши горские коллективизаторы из коммунистов. Всю активную работу и все репрессии в отношении населения, связанные с этой работой, проводили наши коммунисты собственными руками. Таким образом, при проведении коллективизации лишний раз подтвердилось, что наши горские большевики, в большинстве случаев, являются более беспощадными и более бесчеловечными, чем их опекуны — коммунисты русские. Момент этот не достаточно выявляется на страницах журнала „Г. К". и, мне кажется, журнал наш грешит слишком снисходительным отношением к отечественным коммунистам.

На этом закончу письмо о горских коммунистах. О практическом применении „ленинской национальной политики" в советских школах, одной из жертв которой стал я сам, пишу в письме к. М., который, надеюсь, передаст Вам это письмо. Ваш Юсуф."

Прим. ред. Помещая это письмо непосредственного свидетеля описываемых в нем событий, мы считаем необходимым ответить на упрек „в слишком снисходительном отношении к отечественным коммунистам", имеющийся по адресу журнала в этом письме. Итак, мы никогда не склонны были идеализировать наших коммунистов и всегда считали, что ряды их заполнялись худшими представителями горского общества: преступным элементом — отбросами этого общества, карьеристами, оппортунистами и легковерами. Но мы не закрывали глаза на конкретные факты, имевшие место в жизни парторганизаций национальных областей и отдельных коммунистов националов.

Факты эти, зачастую, свидетельствовали об определенных процессах, происходящих среди наших коммунистов и говорящих о том, что национальное начало в этой среде не умерло и дает о себе довольно часто знать. Недавняя кампания против „фальсификаторов истории", в результате которой пострадал ряд горских авторов-коммунистов (См. № 27 „Г.К."), обвиненных в распространении идей „местного национализма" на страницах советских изданий, — является одним из показателей наличия националистического фермента в рядах наших коммунистов. Об этом свидетельствуют и частые „чистки" нацпарторганизаций, дающие обильную жатву опять таки преимущественно среди „национального сектора" этих организаций. Эти и им подобные факты, с соответсвующими комментариями, освещались на страницах журнала, и неправ автор письма, видя в этом „снисходительное отношение к отечественным коммунистам". Наши коммунисты держатся силой русских штыков, с чем автор письма не может не согласиться. Не будь посторонней вооруженной силы, ни один из наших коммунистов не осмелился-бы творить тех безобразий, которые они, под прикрытием этой силы, творят сейчас над своим собственным народом. И вряд-ли, кто-либо из них вообще был-бы коммунистом. Основное зло не в наших отечественных коммунистах, а в чужеземной, захватнической власти, которая, в личных целях, преступной рукой направляет злую волю коммунистов-горцев против их собственных братьев и сестер, исскуственно культивируя в горском обществе низменные человеческие инстинкты.

Статья Азери в прошлом номере нашего журнала и статья главного редактора журнала „Яш Туркистан" Мустафа Чокай-оглы в настоящем номере — свидетельствуют о том, что националистические стремления наблюдаются и в парторганизациях Азербайджана и Туркестана. Не думаем, чтобы, отмечая это явление, авторы статей имели намерение каким-либо образом идеализировать коммунистов этих стран. „Национальный уклон" свойственен всем нацпарторганизациям советского союза, о нем постоянно пишет советская печать, и, упоминая о нем на страницах нашего журнала, мы только констатируем факт:—национальный фермент бродит по всему пространству СССР; от этого брожения не свободна и коммунистическая партия — эта единственная скрепа, пытающаяся создать духовную связь между глубоко разнородными частями союза; явление это свойственно и нацпарторганизациям горских автономных областей и республик.

Наши читатели на Родине должны проникнуться мыслью, что главное зло, основная причина всех настоящих несчастий и бедствий, заключается в чужеземной власти, которая исскуственно и в личных целях создает в лице коммунистов-горцев врагов и истязателей своего собственного народа.

ВЕСТИ С РОДИНЫ

„Олимпиада искусств горских народов"

В свое время мы сообщали о том, что в декабре месяце прошлого года в Ростове н/Д состоялась „Олимпиада искусств горских народов", на которой выступали представители разных горских племен, входящих в национальные области Северо-Кавкасского края и Дагестанскую республику. Ныне мы получили возможность дополнить нашу заметку более подробным описанием этой „олимпиады", которая, несмотря на ее местами слишком „советский" характер, показала, что горское искусство не только существует, но и развивается и в некоторых отраслях стоит на высокой ступени. Описание „олимпиады" воспроизводим на основании хроникерской заметки, помещенной в журнале „Рев. и горец", из которой приводим ниже наиболее интересные части, касающиеся выступления отдельных областей:

„6 декабря утром в клубе машиностроения (б. клуб металлистов) состоялось выступление Чечни.

С большим докладом о чеченском искусстве выступил т. А. Р. Авторханов. После доклада состоялся спектакль „Закон отцов" на чеченском языке. Впервые в истории Чечни чеченка выступила на сцене в качестве артистки перед „большой" публикой. По окончании спектакля выступал хор горянок-чеченок. Выступал так-же оркестр народных инструментов. Были и сольные выступления отдельных певцов и музыкантов. По требования публики несколько раз выступал слепой музыкант и певец-чеченец т. Сулейманов с песней, посвященной Ленину...

...7 декабря утром в клубе кожевников (на Буденновском проспекте, 68) состоялось выступление Адыгеи. С докладом об адыгейском искусстве, старом и новом—советском, выступил адыгейский писатель т. Тембот Керашев. Затем выступали адыгейские музыканты на своих национальных инструментах. Собравшаяся в большом количестве публика имела возможность слушать адыгейские мелодии, адыгейских поэтов, адыгейские песни. Адыгейцы дали спектакль „За колхоз". Среди выступавших в этой пьесе, весьма актуальной по своему содержанию, особо следует отметить двух мальчиков, игравших адыгейских пьонеров. Исполнение было выше всякой похвалы. На всем протяжении адыгейского"

дня конферировал адыгейский писатель т. Ибрагим Цей, который по всем вопросам, которые возникали по поводу отдельных номеров, давал талантливые, компетентные, исчерпывающие об'яснения ..

...Вечером 7 декабря состоялось выступление Осетии и Карачая.

Первой выступала Осетия. С большим докладом об осетинском искусстве выступал т. Губади Дзагуров, обрисовавший пути развития изобразительного искусства: музыки, литературы и др. видов искусства Осетии. Осетия, вопреки общему ожиданию, своего спектакля не дала. Выступали: хор Куртатинского ущелья, дигорский хор, гармонисты, певцы. Выступала танцевальная группа „горные орлы". Осетия показала коллективный танец „симга".*) Несмотря на ряд очень хороших номеров, Осетия могла быть и имела все данные, чтобы быть лучше представленной на олимпиаде. Осетинская половина вечера закончилась в 12 час. ночи. Несмотря на позднее время, на исключительно неблагоприятные условия, после Осетии в тот-же вечер выступил Карачай. С сообщением о карачаевском искусстве выступил руководитель группы т. Х. Баташев.

Первым номером шла пьеса „Огурлу", принадлежащая перу т. Ш. Эбзеева. Автор пьесы фигурировал и как режиссер, и как артист исполнитель главной роли—Огурлу-батрака, героя комедии. Несмотря на огромные недостатки пьесы и идеологическую невыдержанность, логические и прочие неувязки, пьеса была просмотрена с исключительным вниманием. Среди исполнителей выделялся уже названный т. Эбзеев, который без слов, одной мимикой, в продолжении 20 минут держал весь зрительный зал, битком набитый, с прикованным к себе вниманием..

...Выступление карачаевских девушек — Кочкаровой, Аджиевой и Абаевой перед большой публикой тоже надо признать знаменательным моментом, не говоря о вполне сносной игре. После спектакля выступал хор, выступали отдельные поэты и поэтесса горянка Абидат Баташева. Карачаевцы показали и танцы, старые и „реформированые", „советизированные". Вечер кончился в три часа ночи. Публика смотрела с неослабленным вниманием. Зал клуба кожевников не смог вместить даже половины желавших в него попасть...

...Следующее выступление за Ингушетией 8 декабря утром—в Лендворце. С докладом об искусстве Ингушетии выступал т. Дашлако Мальсагов. Затем последовала ингушская пьеса т. Дашлако и Орхухо Мальсаговых „Перелом". Пьеса действительно показывает перелом в быту старой Ингушетии, поворот к революционной перестройке быта и всего уклада. В пьесе выступали не только мужчины — ингуши, но и горянки — ингушки в качестве исполнительниц. Между прочим, выделялась т. Ф. Мальсагова в роли старухи. Ее игра говорила о более значительной сценической квалификации, чем в чеченской и карачаевской пьесах, где также выступали женщины. Ингушская группа далее показала танцы характерные и народные. Выступал хор, поэты, поэтесса Ф. Мальсагова, игравшая и в пьесе „Перелом" главную женскую роль.

От 5 до 7 час. вечера в клубе Рабис состоялся смотр участниками олимпиады и публикой выставки изобразительного искусства. На этой выставке были представлены художники дагестанские, ингушские, осетинские, карачаевские, адыгейские и другие. Изобразительное искусство кажется весьма „узким" местом горского искусства, а на деле выставка выявила и показала, что у горцев есть настоящие мастера кисти в роде Махарбека Туганова, Аслан-Гирея Хохова, Гази-Магомеда Даурбекова...

...Вечером 8 декабря в Лендворце состоялось выступление Дагестана. Ставилась пьеса „Красное знамя", принадлежащая перу тюркского драматурга Ахун-

---

*) старинный групповой танец.

дова. Ее перевели на кумыкский язык. Но то хорошее, что показал советский Дагестан, заключалось не в пьесе, которая не повысила уровень Дагестана на олимпиаде, а понизила его. Центр тяжести искусства Дагестана заключался в национальном оркестре, выпестованном, воспитанном упорными трудами т. Мурадова, дирижера и руководителя его. Успешно выступали дагестанские — разных национальностей — певцы, музыканты, поэты, зурначи, таристы, кеманчисты, гармонисты, танцоры.

Программа дагестанской группы имела ряд блестящих, талантливо исполненных номеров, которые с успехом могли бы демонстрироваться на сцене любого столичного театра. Чрезвычайно понравились публике своими голосами певцы Джандарова и 9-летняя девочка — Мурадова, дочь вышеупомянутого руководителя дагестанской группы.

Дагестан показал много интересного, чему наши нацобласти должны у него учиться, но в то же время он не показал и половины того, что он имеет, что он мог послать на олимпиаду. Это обстоятельство обясняется лишь недостатками организационного характера. Других причин для того, нам думается, не было...

...Вечером (9 декабря) от 8 до 12 час ночи в клубе Медсантруд выступала Кабардино-Балкарская область. Кабардинцы дали спектакль, посвященый коллективизации. Выступали поэты, певцы, гармонисты, танцоры. Выступали кабардинцы, балкарцы, горские евреи, еврейки.

Кстати, о представителях различных национальностей отдельных областей. Кабардинский вечер показал, что ни в одной области не обращено столько внимания на организацию своих национальных меньшинств, как в Кабардино-Балкарской области. Горско-еврейская группа из Кабарды и Балкарии с успехом выступала на олимпиаде. В дальнейшем остальным нацобластям, очевидно, придется учесть этот момент, чтобы перенять от Кабарды то, что у нее было хорошего. Является крайне необходимым отметить двух выдающихся танцоров—кабардинца и балкарца.

Выступление Кабарды явилось последним, вызвавшим огромное стечение публики..."

В заключении заметки высказывается сожаление об отсутствии на „олимпиаде" представителей Черкесской авт. обл.

„Национальная" горская печать

В январьском номере журнала „Революция и горец" „товарищ" Ислам Тамбиев посвящает хвалебную статью развитию при советской власти горской „национальной" печати, подвергнув соответствующему своей цели разбору издательское дело в 7 горских автономных областях Северо-Кавказского края. Свои выводы Ислам Тамбиев подкрепляет рядом данных, из которых ниже мы приводим данные, касающиеся развития газетного дела в этих областях. Всего в горских областях (без Дагестана, Абхазии и Южной Осетии) на местных языках издается 17 газет, в том числе 5 „газет для малограмотных" (в Чечне — 2, Ингушетии — 2, Осетии — 3, Кабардино-Балкарии — 4, Карачае — 2, Черкесии — 2, Адыгее — 2). Говоря о тираже газет, Ислам Тамбиев замечает: „Вопрос роста тиражей — это некомерческий вопрос. Он является сугубо политическим, особенно в условиях национальных областей. Газета в руках нацпарторганизаций нацобластей — не только могучее средство большевистской агитации, большевистской пропаганды, но и коллективный большевистский организатор масс вокруг задач соцстроительства". Состояние тиража „нормальных" газет (исключая „газет для малограмотных") автор рисует в следующей таблице:

Название газеты	Состояние тиража		Где выходит
	Октябрь 1930 г.	Октябрь 1931 г.	
„Растдзинат"	1655	7900	Осетия
„Аригон-Большевик"	2031	3400	„
„Серло"	2560	2500	Чечня
„Таулу-Джарлыла"	1400	2380	Карачай
„Ленин-Гок"	1590	3678	Кабарда
„Черкес-Плиж"	1470	3850	Черкесия
„Колхоз-Брак"	2600	3435	Адыгея
„Сердало"	1068	1150	Ингушетия

Тираж „газет для малограмотных" представляется так:

На каком языке выходят газеты малограмотных	Динамика роста тиража		
	1931 июль	1931 октябрь	1931 декабрь
На чеченском	1000	3000	3220
„ осетинском	1000	2350	2500
„ карачаевском	1500	3000	2000
„ кабардинском	7000	7100	7100
„ балкарском	3000	3000	3000
„ ингушском	1000	1100	1300
„ черкесском	850	900	1000
„ адыгейском	1000	1000	1200

Неизвестно, что в настоящей таблице подразумевается под „языком черкесским" и что под „языком адыгейским". Возможно, что в первом случае автор говорит о наречии абазинском, а во втором — об адыгейском наречии кубанских черкесов. Возможно так-же, что речь идет только о последнем и автор допускает такое подразделение, имея в виду место выхода газет: в первом случае — Черкесскую авт. область и во втором — Адыгейскую авт. область.

Большинство газет выходит 2 раза в неделю, но некоторые только раз, Кроме этих газет, имеется так-же „низовая печать" — стенные газеты в аулах заводах, фабриках, колхозах и т. п.

Приводя все эти данные, Ислам Тамбиев отмечает огромное пропагандно-воспитательное значение „национальной" горской печати и значительные успехи, достигнутые ею в этом направлении. Это утверждение кажется более чем сомнительным, и скорееe свидетельствует о желании автора—работника печати и коммуниста, — ловко подтасовав цифры и факы, представить перед „высшим начальством" в более привлекательном виде результаты „трудов" своих и своих товарищей.

Общий тираж в 28293 экз. „нормальных газет" и 19450 экз. „газет для малограмотных" является, определенно, недостаточной нормой, если мы примем во внимание не-ежедневный выход газет, а так-же более чем миллионное горское население перечисленных 7 областей, которое они должны обслуживать. Вместе с этим, необходимо принять во внимание принудительный характер подписки на газеты, при отсутствии которого тираж, несомненно, упал-бы до минимума. Даже среди стандартизированной и обезличенной советской печати горская советская печать выделяется своей бессодержательностью и отсутствием какого-либо

национального начала. Страницы ее, преимущественно, заполняются доносами мелких большевистских агентов на различного рода „вредителей", или-же перепечаткой и пропагандой очередных лозунгов, взятых из русских газет. Особенности местной жизни находят в них самое незначительное отражение. В этих условиях „культурно-пропагандное значение национальной печати" даже в советском толковании этого понятия — минимально, ибо вряд-ли советская макулатура привлекает внимание широких слоев населения. Вместо этого, насколько нам известно, большой популярностью пользуются патриотические литературные произведения, распространяемые в рукописном виде среди населения.

Разные известия

(Сообщение Информ. Бюро НПГК)

— На пленуме Северо-Осетинского областного комитета, состоявшемся в марте текущего года, разбирался вопрос о весенней посевной кампании. Секретарь обкома Демиховский отметил при этом, что положение весьма серьезное; весеннему севу угрожает срыв, если не будут приняты чрезвычайные меры Докладчик обрушился на партийных работников на местах, которые, во многих случаях, в колхозах и среди единоличников бояться предпринять энергичные меры по сбору семенного фонда. Серьезность положения на „посевном фронте" в других горских областях подтверждают имеющиеся у нас сведения из Тавриза. Согласно этих сведений, в Чечне, Ингушетии и ряде иных областей произошли беспорядки, вызванные участившимися обысками в поисках семян в домах колхозников и единоличников. В Чечне движение возглавляет мулла Хаджи-Магомет из аула Гойты.

— Декрет Всесоюзного ЦИК'а от 26 марта т. г., запрещающий принудительное обобществление скота в колхозах, дошел до горских областей и вызвал здесь чрезвычайный хаос в „колхозном строительстве". Колхозники массами стали требовать возвращения обобществленного скота, внося этим во все колхозные расчеты и планы полнейшую дезорганизацию. Вместе с этим, увеличилось недовольство против различного рода „активистов", проводивших на местах организацию колхозов. Таким образом, создается впечатление, что власть названным декретом хочет направить общее недовольство на лиц, виновных лишь в том, что они были слепыми и усердными исполнителями губительных распоряжений этой власти.

— Геологической разведкой в районе Касум-Кента в Дагестане обнаружены большие залежи черных металов. Запасы определены в 400 миллионов тонн руды, содержащей в среднем до 30% железа. Вблизи этих месторождений найдены так-же большие залежи коксующегося угля.

Обзор печати

„Яш Туркистан" № 28. Март 1932 г. — Этот номер туркестанского журнала исключительно богат информационными материалами. Происходящая в Туркестане схватка между московским большевизмом и идеологией туркестанского национализма составляет, разумеется, главнейшую тему журнала. На одну из наиболее характерных и, вместе с этим, общих для всех национальных окраин СССР сторон этой борьбы мы хотим обратить внимание читателей „Г.К." Таковой является борьба большевиков против национальных литератур которую в отношении Туркестана в настоящем номере „Я. Т." освещает г. Чагатай в статье „Поход большевиков против здравого смысла". Автор подробно останавлива-

ется на борьбе большевиков против классической национальной литературы Туркестана. Под запретом оказались не только старые классики, но и молодые писатели туркестанцы, до сих пор почитавшиеся писателями революционными. С особенной силой сейчас борьба эта происходит в Туркменстане. Сперва секретарь туркменской компартии — Попок, а за ним туркмен Султан-Ниязов взялись за разоблачения „притаившейся в литературе“ национальной контр-революции. Особенное возмущение большевистских критиков вызвали составители книг „Қзылкошун алифбеси“ („Азбука красноармейца“), „Колхоз харфлиги“ („Букварь колхозника“), а так-же учебников для 2-го и 3-го отделений начальных школ. Во первых, сами заголовки некоторых вещей оказались весьма подозрительными. Так например, революционное возмущение правоверных коммунистов вызвало название одного стихотворения в „Азбуке красноармейца“: — „Когда-же пройдет черная зима?“, в котором автор воспевает ожидаемое лето благодатное. В большевистском толковании получилось так: „Под „черной зимой“ автор имел в виду русских большевиков, а благодатное лето — это... местные национал кулаки!...“ Но самым страшным для московских большевиков оказалось стихотворение некоего Бекджанова все в той-же „Азбуке красноармейца“ под названием „Наш аул“. Поэт, действительно в прекрасной стихотворной форме, выражает — каким-бы он хотел видеть свой (туркменский) аул — этот „очаг жизни“. Он хотел-бы видеть свой аул освобожденным от нищеты, от невежества; он хотел-бы, чтобы из земли выросли дома кирпичные, чтобы солнце светило в оконца, чтобы везде горело електричество, чтобы пролегали широкие дороги, исчезли пески, чтобы в безводной пустыне росли тенистые деревья... Все это будет, если в ауле будут учителя... Вот тогда-бы, говорит поэт, аул наш стал раем, и жизнь в нем потекла-бы счастливым ключем...

Партийное начальство, а за ним большевистские „литературные критики“ неописуемо возмущены этим стихотворением. Попок и вслед за ним другие находят стихи Бекджанова недопустимой контр-революцией, подрывающей революционные основы социалистического строительства. В этом, казалось-бы, невинном стихотворении Бекджанова красные критики усмотрели страшное, с советской точки зрения, преступление. Бекджанов стремится повернуть мысль туркестанских декхан (крестьян) от колхозного строительства в сторону... индивидуального хозяйства, Бекджанов воспевает мещанский домашний уют, что солнце, электричество, хорошие дороги, деревья в пустыне—на фоне борьбы за мировую пролетарскую революцию, когда в Америке хотят предать казни 8 негров, а „товарищ“ Литвинов в Женеве разоблачает мировую буржуазию — являются недопустимой мещанской роскошью.

Поэтому, зловредную книгу из'ять из обращения, автора Бекджанова предать суду за „национал-кулачество“, заведующего культпросветом Кумуш-Али Бориева заставить признаться не только в „примиренческом отношении“ к националистам, но и в потворствовании их анти-советской деятельности.

Постановление приведено в исполнение: „Азбука красноармейца“ уничтожена, Бекджанов осужден и Бориев публично раскаялся в своих грехах...

„Гром победы раздавайся! Веселися... красный росс!“

Так описывает г. Чагатай, весьма знакомую и в наших областях, страничку советской действительности в порабощенном Туркестане.

„Истиклал“ №№ 4, 5, 6. — Газета с честью продолжает славные традиции закрытых в Стамбуле „Бильдириш'а“, и „Одлу-юрт“, нанося своей правдивой и вещественной контр-пропагандой в странах, читающих по турецки, значительный ущерб большевистской пропаганде. Материал рассматриваемых номеров, по-старому, разнообразен и интересен. Как всегда интересны и исчерпы-

вающи передовые главного редактора Мехмед-Эмин-бея Расул-Заде на актуальные темы текущего момента. Из них необходимо отметить передовую № 4-го в которой автор, рассматривая причины мирового кризиса, приходит к заключению, что ни система капитализма, ни система коммунизма не способны разрешить болячек страждущего человечества. Человечество ждет — говорит автор — нарождения третьей системы, которая должна принести народам действительные мир и благодействие. Интересна передовая и № 6-го, посвященная Дальне-Восточным событиям и отношению к ним русской эмиграции. М.-Э.-бей Расул-Заде говорит, что русские либералы занимают в этом вопросе такую позицию, которая в корне противоречит сущности либерализма. Точка зрения Милюкова, предпочитающего страдания 160 мил. населения потере, хотя-бы, незначительной части территории СССР, свидельствует о том, что для русских либералов „нет личности, а есть только государство". Формула ничего общего не имеющая с либерализмом.

Недостаток места не позволяет нам более подробно остановиться на иных статьях перечисленных номеров. Поэтому, в заключении мы отметим только информацию агронома Эмиш-бея, бежавшего из Азербайджана в период обострения политики насильственной коллективизации. Эмиш-бей, в беседе с сотрудником „Истиклал", рисует настоящую действительность Азербайджана: сопротивление сельчан колхозной политике большевиков, репрессии, террор и т. п. По его словам, количество сосланых за сопротивление коллективизации дошло в Азербайджане до 60000 человек. Усилилось, одновременно, партизанское движение в горах. В этом году ожидают крупных столкновений, которые авторитетные люди из народа стараются предотвратить, ибо необходимо сохранить силы для решающего момента. Поэтому, такие известные партизаны, как Мехмед-Казум-бей и Ненус, которые 12 лет оперировали в Ганджинском, Шекинском и Агдашском уездах, оставили родину.

— Выходящий в Стамбуле на французском языке ежемесячный журнал „Les annales de Turquie" в ряде последних номеров (февраль, март, апрель) поместил „Очерки из жизни Шамиля" („Phases de la vie de Schamyl), принадлежащие перу горянки-писательницы г-жи Зюбейды Шапли. Автор „Очерков" происходит из семьи старых мухаджиров-черкесов, поселившихся в Турции. В литературе своей второй родины Зюбейда Шапли известна рядом талантливых рассказов и стихов, посвященных горским мотивами. Настоящие „Очерки" свидетельствуют о том, что ныне Зюбейда Шапли стремиться распространить весьма желательную для нас литературную пропаганду и на круги, читающие по-французски. Рассказы, озаглавленные в номерах за февраль и март—„Akhoulgoh" а за апрель — „Tragédie de Famille", описывают в прекрасной литературной форме известные эпизоды из жизни и борьбы Великого Имама: свидание с генералом Клюги-фон-Клюгенау и героическую оборону Ахульго, завершенные взятием в „аманаты" старшего сына Имама—Джемалэддина. Кроме литературной ценности, рассказы Зюбейды Шапли приобретают для нас большую ценность пропагандно-политическую, ибо возвращают читателей журнала „Les annales de Turquie" к славным событиям горского прошлого, которые в свое время сугубо интересовали дипломатию и общественное мнение европейских государств. Надо надеяться, что примеру Зюбейды Шапли последуют и иные лица из нашей старой эмиграции, ибо их возможности в этом отношении больше наших. Почин-же первой горянки-писательницы мы приветствуем от всей души, тем более что характер напечатанных уже рассказов говорит о том, что они являются только частью обширного цикла, посвященного горцам и их великому вождю Имаму Шамилю.

Лица, желающие получать журнал

„Горцы Кавказа“

непосредственно, а не через наших представителей, должны сообщить свои адреса редактору журнала: Morszyńska 39, Warszawa, Pologne.

Туда-же необходимо сообщать о каждой перемене адреса.



Опечатки. В номере 28 были допущены опечатки, меняющие смысл некоторых фраз, которые мы ниже исправляем:

На стр. 7, 2 и 3 строки снизу, напечатано:... „и находящихся только в „пользовании“ горцев...“ — следует читать:... „и находящихся только частью в „пользовании“ горцев“...

На стр. 14, 10 строка сверху, напечатано:... „на гармонии горские молитвы“... — следует читать:... „на гармонии горские мотивы“...

На стр. 31, в сообщении о народном доходе Закавкасской советской федерации, должно быть 1 миллиард 735 миллионов рублей, вместо 1 миллиарда 735 рублей

Редактор журнала: **Барасби Байтуган.**

Адрес редактора: **Barasbi Baytugan,**
Morszyńska 39, Warszawa
Pologne.

Адрес администрации журнала:
4, Villa Malakof, Paris (16)
France.

44

Zakł. Gr. P. Szwede Warecka 9